

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-2-320-356

**СОВЕТСКАЯ АЛИЯ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ТЕМА
РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКИ ИЗРАИЛЯ:
НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛОВ «ВРЕМЯ И МЫ» И «22»¹**

Д.Л. Стровский^а, А.В. Антошин^б

^а Ариэльский университет (Израиль)
Ariel University, 40700, Israel
dmitryst@ariel.ac.il; strovsky@mail.ru

^б Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
620003, Россия, Екатеринбург, пр. Мира, 19
alex_antoshin@mail.ru

Статья посвящена исследованию советской алии – репатриации евреев в Израиль – как одной из ведущих тем русскоязычной периодики этой страны. В центре внимания – публикации, представленные на страницах двух наиболее заметных для своего времени «толстых» литературно-политических журналов – «Время и мы» и «22», относящиеся к 1970–2000-м гг. В статье рассматриваются представленные на страницах этих журналов материалы, посвященные осмыслению судеб российского и советского еврейства, а также самому феномену репатриации. Исследование темы позволяет решить несколько научных задач. Прежде всего, анализ содержания изданий дает возможность обозначить ключевые проблемы, которые нашли отражение в их содержании: исторические предпосылки формирования репатриационных установок

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ – отдел гуманитарных и общественных наук, проект № 17-21-07002, тип гранта – а(м): «Человек советский в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.».

Слово «алия» (репатриация), использованное в заглавии, имеет смысловое сходство с термином «эмиграция». Вместе с тем оно не совсем идентично ему по смыслу. Алия в переводе с иврита означает «восхождение» и в данном случае воспринимается как возвращение евреев к своим территориальным и духовным корням в Палестину, откуда, собственно, и началась история этого народа и где была создана его главная книга – Тора. Таким образом, алия изначально символизирует для человека не просто перемену места проживания, но определяет его приверженность к более глубоким содержательным смыслам, главным из которых является беспрестанный поиск евреями смысла жизни. И хотя повседневный быт многих из них во все времена далеко не всегда соответствовал этим установкам, философский смысл алии остался неизменным и сегодня.

в сознании советской еврейской интеллигенции, отношение советских властей к этому явлению, эволюция восприятия израильским обществом процесса миграции и его различных этапов. Изучение отмеченных литературно-художественных изданий позволило выделить содержательную специфику каждого из них. Журнал «Время и мы» характеризовался подчеркнутым антисоветизмом, который базировался на приверженности концепции прав человека и либеральных ценностях. Журнал «22» был ориентирован на развитие идей сионизма и усиление позиции тех представителей еврейства, которые стремились к глубокой интеграции в израильское общество. Вместе с тем издания имели и схожие содержательные черты. Прежде всего, представленные на их страницах материалы отличались высоким аналитическим и художественным уровнем. Журналы «Время и мы» и «22» объединяло общее стремление осмыслить проблемы как репатриации евреев, так и их адаптации в Израиле. Оба издания внесли значительный вклад в историю периодики Израиля и в становление самосознания русскоязычного населения этой страны. Материал статьи изложен в историческом контексте, показаны основные этапы эмиграции евреев из СССР и современной России и эволюция отражения этого процесса на страницах журналов.

Ключевые слова: Израиль, советская алия, русскоязычная периодика, «Время и мы», «22»

Введение

Русскоязычная периодика Израиля представляет собой особый культурный феномен, сложившийся более полувека назад и развивавшийся с учетом специфической еврейской ментальности. Эта периодика пережила несколько этапов своего развития, соединив в себе различные типы изданий: общественно-политические, развлекательные, рекламные и др. На протяжении нескольких десятилетий она включала в себя и толстые литературно-художественные журналы. Ее возникновение стало возможно благодаря особому интеллектуальному уровню репатриантов, приехавших в Израиль в 1970–1980-е гг. Именно поэтому здешние литературно-художественные журналы на русском языке отличались высоким аналитическим уровнем, глубоким осмыслением судеб российского и советского еврейства. Данное обстоятельство придает значимость исследованию этого феномена. Прежде всего, это относится к журналам «Время и мы» и «22».

Сегодня эти издания уже прекратили существование. Следует признать, что литературно-художественная периодика как самостоятельный тип печатных СМИ во многом утратил свое прежнее место в Израиле. Пытаясь найти объяснение сложившейся ситуации, можно говорить, что новое поколение русскоязычных израильтян равнодушно к таким изда-

ниям. Они предпочитают иные форматы и сориентированы на потребление интернет-сообщений, более емких и лаконичных по содержанию по сравнению с традиционной прессой, не говоря уже о литературно-художественной.

Вместе с тем названные журналы оставили серьезный след в истории русскоязычных СМИ в Израиле благодаря глубокому проблемно-аналитическому содержанию. Это были издания, рассчитанные на образованных, эрудированных читателей, и поэтому сегодня они заслуживают внимания в рамках целостного понимания духовно-политических ценностей, присутствующих русскоязычной эмиграции советского времени.

История репатриации в Израиль евреев из Советского Союза привлекает внимание исследователей на протяжении уже длительного времени. Многие российские и зарубежные историки уделили пристальное внимание изучению внутренних и внешних факторов, сформировавших репатриационные установки². Исследовались особенности советской национальной политики, предопределившей желание евреев уехать из СССР³, проблема их идентичности⁴. В отдельных работах анализировались мотивационные установки региональных групп советских евреев, в частности, в Прибалтике⁵.

Таким образом, к настоящему времени уже существует обширная историография, анализирующая социально-политические, духовные и ментальные приоритеты еврейского населения в СССР, которые предопределили разрыв многих его представителей со страной проживания.

Один из важнейших этапов советской алии приходится на 1970-е гг. Проблемы формирования и развития движения за выезд евреев из СССР

² *Zaslavsky V., Brym R. Soviet Jewish Emigration and Soviet Nationality Policy. New York, 1983; Salitan L. R. Politics and Nationality in Contemporary Soviet-Jewish Emigration. 1968–1989. London, 1992; Костырченко Г. Политика советского руководства в отношении еврейской эмиграции после XX съезда КПСС (1956–1991) // Еврейская эмиграция из России. 1881–2005. М., 2008. С. 202–219; Морозов Б. Еврейская эмиграция из СССР как фактор международных отношений // «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. Иерусалим – Москва, 2007; Фридгут Т. Влияние иммигрантов из СССР / СНГ на израильскую идентичность // «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. Иерусалим; Москва, 2007; и др.*

³ *Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917: Paradox of Survival. Vol. 2. New York; London, 1988; Low A. Soviet Jewry and Soviet Policy. New York, 1990.*

⁴ *Jewish Culture and Identity in the Soviet Union (1991) / Ed. by Ya. Roi, and A. Beker. New York; London, 1991.*

⁵ *Schoenburg N., Schoenburg C. Lithuanian Jewish Communities. New York; London, 1991; Steimanis I. History of Latvian Jews. New York, 2002.*

находились в центре внимания многих западных исследователей⁶. На общем фоне следует выделить работу М. Фридмана и А. Чернина, посвященную кампании помощи советским евреям, организованной в США⁷.

В конце 1980-х гг., в условиях «перестройки» М. С. Горбачева, начинается большая алия, связанная уже с массовым выездом евреев из СССР. Эта проблематика находилась в центре внимания работы М. Гилберта⁸.

Обилие исследований, посвященных самому процессу выезда евреев из Советского Союза, не означает отсутствие работ, анализирующих их жизнь в Израиле, США, Германии и других принимающих странах. Однако таких работ существенно меньше. На общем фоне следует отметить монографию под редакцией З. Гительмана, М. Гланца и М. Гольдмана, посвященную различным аспектам жизни евреев после выезда из СССР, в том числе в Израиле⁹. В свою очередь, среди работ, созданных израильскими исследователями на эту тему, следует назвать монографию ««Русское» лицо Израиля: черты социального портрета», авторами которой стали научные сотрудники Еврейского университета в Иерусалиме, известные журналисты и общественные деятели этой страны¹⁰. Политической деятельности репатриантов из СССР в Израиле уделяется внимание в статье В.В. Энгеля¹¹.

Вместе с тем проблематика развития русскоязычных печатных СМИ в Израиле пока еще недостаточно освещена в исследовательской литературе. Несмотря на наличие большого числа исследований израильских и европейских специалистов в области СМИ¹², существует немало тем, редко

⁶ *Schroeter L.* The Last Exodus. New York: Universe Book, 1974; *Drachman E.* Challenging the Kremlin. The Soviet Jewish Movement for Freedom. 1967–1990. New York, 1992; *Buwalda P.* They Did Not Dwell Alone. Jewish Emigration from the Soviet Union. 1967–1990. Washington; D.C., 1997.

⁷ A Second Exodus. The American Movement to Free Soviet Jews / Ed. by Freidman M., Chernin A. Hanover. London, 1999.

⁸ *Gilbert M.* Soviet Jews: Their Situation in Recent Years // Vision Confronts Reality: Historical Perspectives on the Contemporary Jewish Agenda / Ed. by R. Kozodoy. Madison; New Jersey, 1989.

⁹ Jewish Emigration: Trails, Achievements, Doubts and Dilemmas. Jewish Life after the USSR / Ed. by Z. Gitelman, M. Glants, and M. Goldman. Bloomington; Indianapolis, 2003.

¹⁰ «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета / Сост. и ред. М. Кенигштейн. Иерусалим – Москва, 2007.

¹¹ *Энгель В. В.* Социально-психологические аспекты еврейской эмиграции из СССР. СНГ последней трети XX – начала XXI в. (на примере Израиля, США и Германии) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001. М., 2007. С. 172–198.

¹² *Zilberg N., Leshem E.* Russian-Language Press and Immigrant Community in Israel // Revue European des Migrations Internationales. 1996. № 12(3). P. 173–190; *Deacon D., Pickering M., Golding P., Murdock G.* Researching Communication: A Practical Guide to Methods

привлекающих внимание исследователей. Справедливо суждение профессора Университета Бен-Гуриона Нелли Элиас, которая полагает, что особенности влияния СМИ русскоязычной общины на интеграцию иммигрантов не удостоились до сих пор серьезного академического исследования. Анализируя роль русскоязычных СМИ в жизни репатриантов из бывшего СССР, проживающих в Израиле, исследователь отмечает, что они выполняют сложную функцию: «С одной стороны, укрепляют культурные рамки русскоязычной общины, но с другой – способствуют интеграции иммигрантов на основе формирования нового самосознания, включающего еврейские и израильские нормы и ценности, а также актуальную общественную проблематику»¹³. Таким образом, как подчеркивает Н. Элиас, характер использования СМИ отражает ««гибридную» идентификацию русскоязычных иммигрантов, в которой сочетаются русские, еврейские и израильские элементы, обеспечивающие гармоничное существование, тесную связь с русской культурой и ощущение единства с израильским обществом»¹⁴.

in *Media and Cultural Analysis*. London, 1999; *Peri Y.* *Telepopulism*. Stanford; CA, 2004; *Al-Haj M., Leshem E.* *Immigrants from the former Soviet Union in Israel: Ten Years Later. A Research Report*. Center for Multiculturalism & Educational Research. Heifa, 2000; *Adoni H., Cohen A.A., Caspi D.* *The consumer's choice: Language media consumption and hybrid identities of minorities // The European Journal of Communication*. 2002. 27 (4). P. 411–436; *Caspi D., Adoni H.* *The Red, the White and the Blue: The Russian Media in Israel // International Communication Gazette*, 2002. URL: https://www.academCia.edu/6766392/The_Red_the_White_and_the_Blue_The_Russian_Media_in_Israel; *Caspi D.* *A Revised Look at Online Journalism in Israel: Entrenching the Old Hehemony // Israel Affairs*. 2011. 17 (3). P. 341–363; *Элиас Н.* *Роль СМИ в культурной и социальной адаптации репатриантов из СНГ в Израиле // Диаспоры*. 2006. № 4. С. 85–104; *Она же.* *Гетто или мост? Влияние русскоязычных СМИ на интеграцию иммигрантов // «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета*. Москва-Иерусалим, 2007. С. 165–193; *Elias N.* *Israel: Russian-Language Media Guide*. Tel Aviv, 2005; *Шорер-Зельцер, Ш., Элиас, Н.* «Мой адрес не дом и не улица...» *Русскоязычная диаспора в Интернете // Диаспоры*. 2008. № 2. С. 178–194; *Elias N., Lerner Ju.* *Narrating the Double Helix: The immigrant-professional biography of a Russian journalist in Israel // Forum Qualitative Sozialforschung*. January 2012. Vol. 13. №1. URL: <https://nbn-resolving.de>; *Caspi D., Elias N.* *Ethnic Minorities and Media in the Holy Land*. London, 2014; *Elias N., Khvorostianov N.* «Leave us alone!»: Representation of social work in the Russian immigrant media in Israel // *International Social Work*. 2015. May. 60 (2). P. 1–14; *Энштейн А.* *Средства массовой информации и политические перемены в Израиле // Ближний Восток и современность*. 2001. № 12. С. 291–307; *Он же.* *Государство еврейских диаспор: этнолингвистическое многообразие израильских СМИ // Диаспоры*, 2006. № 3. С. 222–260; *Он же.* *Русско-еврейские печатные СМИ в Израиле и причины их заката // Израиль: русские корни*. Иерусалим, 2011. С. 451–461; *Довжик С.* *О «русских» СМИ замолвите слово // Глобальный еврейский онлайн-центр*. 16.03.2012. URL: <https://www.jewish.ru>.

¹³ См.: *Элиас Н.* *Гетто или мост? Влияние русскоязычных СМИ на интеграцию эмигрантов // «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета*. Иерусалим, 2017. С. 167.

¹⁴ *Элиас Н.* *Гетто или мост... С. 192.*

Однако феномен возникновения в Израиле русскоязычных «толстых» журналов до сих пор не становился предметом специального изучения. Между тем он позволяет глубже понять специфику идентичности репатриантов из Советского Союза, их психологические установки, стратегии их адаптации к жизни в Израиле.

Эмпирической базой данной статьи послужили два «толстых» литературно-художественных журнала, созданных репатриантами 1970-х гг. – «Время и мы» (выходивший в 1975–1991 гг. в Израиле, затем в США) и «22» (выходивший в 1978–2015 гг.). Каждое из этих изданий имело свою содержательную специфику. Так, «Время и мы», позиционируя себя в качестве органа «русской демократической эмиграции», во многом тяготел к идейной платформе издававшегося В. Максимовым парижского журнала «Континент» – ведущего издания этой части идейно-политического спектра эмиграции. В свою очередь, позиция журнала «22» – «общественно-политического и литературного журнала еврейской интеллигенции из СНГ в Израиле» (как значилось на его титульном листе) – в большей степени ориентировалась на ту часть репатриантов, которая стремилась к интеграции непосредственно в израильское общество. Как подчеркнул тогдашний член редколлегии этого журнала профессор Ариэльского университета Э. Бормашенко, ведущей темой этого издания «всегда оставалась еврейская жизнь в различных ее проявлениях». В частности, Александр Воронель, главный редактор журнала «22», особое внимание отводил «исследованию сионизма, с учетом философской концепции и идеологии этого явления»¹⁵.

В данной статье проанализированы представленные на страницах журналов «Время и мы» и «22» в 1970–2000-е гг. материалы, посвященные осмыслению судеб российского и советского еврейства, феномену репатриации советской еврейской интеллигенции в Израиль. Интервью многолетнего главного редактора журнала «22» А. Воронеля и члена редколлегии этого издания Э. Бормашенко, взятые одним из авторов данной статьи, дополняют ее содержание.

Репатриация из СССР в Израиль: исторические особенности

Восточноевропейские евреи (ашкеназы) сыграли значимую роль как в формировании «еврейского очага» в Палестине, так и в последующем создании Государства Израиль. Российские евреи всегда были неотъемлемой частью этой большой по численности национальной группы. Отъезд

¹⁵ Интервью Д.Л. Стровского с Э. Бормашенко 11 декабря 2017 г.

выходцев из Российской империи на Святую Землю начался по разным причинам еще в конце XIX в. После установления советской власти, несмотря на «железный занавес» в отношениях между СССР и зарубежным миром, процесс еврейской репатриации продолжался. Можно утверждать, что он использовался коммунистическим режимом в своих политических целях¹⁶.

Фактор присутствия в Палестине русскоязычного населения всегда разыгрывался Советским Союзом в качестве «козырной карты» – в ходе проведения своей ближневосточной политики. Безусловно, наиболее близкой советскому руководству в идеологическом отношении была Компартия Израиля (КПИ), созданная в марте 1919 г. как Социалистическая рабочая партия и являвшаяся с 1924 г. членом Коминтерна. Однако симпатии СССР к арабским националистам неизбежно ослабляли позиции израильских коммунистов в политическом сознании советского руководства. Кроме того, расколы внутри КПИ, происходившие время от времени, не позволяли рассчитывать на упрочение ее влияния, и в Советском Союзе это отчетливо понимали. Поэтому советские лидеры (в первую очередь И.В. Сталин) рассчитывали на то, что изначальная духовная связь теоретиков сионизма З. Жаботинского и Б. Борохова, а потом и первых руководителей Израиля Д. Бен-Гуриона, М. Шарета и Г. Меир с дореволюционной Россией и их ярко выраженные симпатии к принципу «социалистического коллективизма» помогут упрочению здесь советских внешнеполитических интересов. Однако этого не случилось ни до появления Государства Израиль, ни позже.

Стоит вспомнить, что СССР стал первой страной, признавшей на дипломатическом уровне рождение нового государства. Однако обозначившееся быстро тяготение Израиля к США и другим западным странам (во многом по причине того, что СССР активно поддерживал арабский мир) привело к тому, что уже во второй половине 1949 г. по инициативе советской стороны между Советским Союзом и Израилем прекратились все торговые отношения. Спустя четыре года были заморожены и дипломатические отношения. Правда, через несколько месяцев они были восстановлены, но в 1967 г. разорваны вновь. Формальной причиной этого стали события Шестидневной войны между арабскими государствами и Израилем. Однако более серьезным фактором разрыва дипотношений стала неспособность Кремля хоть как-то повлиять на Израиль и склонить его на свою сторону в ущерб позиции США и других западных стран. Эти неуда-

¹⁶ *Аганов М. Г.* Истоки советско-израильских отношений: «Еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920–1930-е гг. Тюмень, 2011.

чи с неизбежностью приводили к негативному отношению в СССР к идее репатриации советских евреев в Израиль.

По мнению профессора Еврейского университета в Иерусалиме Т. Фридгута, первая волна массовой еврейской репатриации из СССР датируется 1955–1967 гг. В этот период в Израиль прибыли более 12 тыс. чел., которые во время Второй мировой войны оказались разделенными с родственниками, оставшись по разные стороны советской границы. Эта группа русскоязычных иммигрантов была сведущей в вопросах иудаизма и во многом именно поэтому довольно легко абсорбировалась в Израиле по причине своего изначального интереса к сионизму¹⁷. Именно эти первые группы переселенцев в Израиль смогли подготовить почву для более значительных по количественным характеристикам репатриантов последующих волн.

Следующий этап советской алии начал оформляться во второй половине 1960-х гг. и продолжался всю первую половину 1970-х гг. Победа Израиля в упомянутой выше Шестидневной войне стала важным этапом подъема еврейского самосознания в СССР, что выразилось в проявлении солидарности этой в целом немногочисленной части советского общества с народом Израиля. Активисты движения заявляли о своем желании покинуть страну и вследствие проводимой советскими властями политики государственного антисемитизма и проявлений антиеврейских чувств на бытовом уровне. Именно эта идея стала основной в содержании анонимной листовки «Почему я сионист?», появившейся в 1968 г.¹⁸ Между темами еврейства и сионизма в этом тексте ставился знак равенства, что было достаточно привычным для того времени и сознания тогдашних репатриантов.

Следует признать, что влияние различных факторов на формирование репатриационных настроений советской еврейской интеллигенции давно обсуждается в научной литературе, по-прежнему оставаясь актуальной исследовательской темой. Большое внимание по-прежнему уделяется внутривнутриполитическим причинам отъезда этих людей из СССР (в совокупности определяемым как «выталкивание» из своей страны). Именно эти причины, а не внешние факторы, в частности, заметное давление на СССР со стороны западных стран (включая США) играли в этом процессе значимую роль¹⁹.

¹⁷ *Фридгут Т.* Влияние иммигрантов из СССР/СНГ на израильскую идентичность // «Русское» лицо Израиля... С. 68.

¹⁸ Архив научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» (далее – Архив НИПЦ «Мемориал») Ф. 158. АС № 334. Л. 1.

¹⁹ *Salitan L. R.* Politics and Nationality in Contemporary Soviet-Jewish Emigration. 1968–1989. London, 1992.

По мнению ряда зарубежных исследователей, основным стимулятором формирования «отъездной» психологии был антисемитизм. Так, профессор Е. Моравска отмечает, что советская политика в отношении евреев колебалась между «этнонациональной дискриминацией» и «универсальной марксистской интеграцией»²⁰. В данном случае имеется в виду, что сама государственная политика с присущим ей духом антисемитизма была нацелена на унификацию сознания населения СССР и принижение национальных еврейских чувств, что и вынуждало этих людей покидать страну. Канадские исследователи В. Заславский и Р. Брим также показывали тесную связь отъезда евреев в другие страны с советской национальной политикой. По их мнению, она проявила себя, в частности, еще в период сталинской кампании по борьбе с «безродным космополитизмом», а также в ходе многолетней ярко выраженной дискриминации евреев при их поступлении в вузы, устройстве на работу и т.д.²¹

Ради справедливости следует признать, что внутренняя и внешняя политика в СССР периодически менялись. Соответственно, и идейно-политические акценты по всем животрепещущим вопросам, включая «еврейскую тему», расставлялись по-разному. Вместе с тем, по справедливому утверждению израильского историка Й. Роя, антисемитизм всегда сохранялся как важный элемент всей общественной жизни СССР, что делало невозможным для советских евреев стать самостоятельной нацией и открыто выражать свои духовные, эстетические и религиозные чувства²².

Отдельные исследователи обращают внимание еще на один важный фактор официального неприятия евреев в СССР – несовместимость менталитета еврейского народа с характером существовавшего здесь политического режима. Исходя из этого, К. Шиндлер считал «мифом» довольно распространенные суждения о том, что стремление евреев эмигрировать из Советского Союза началось только после провозглашения государства Израиль или даже вследствие Шестидневной войны. Осознание важности выезда, указывал он, в сознании советского еврейства началось тогда, когда «тоталитарные аспекты большевизма стали вступать в конфликт с мессианскими принципами социальной справедливости, связанными с еврейской

²⁰ *Morawska E.* Intended and unintended consequences of forced migrations: a neglected aspect of East Europe's 20th century history // *International Migration Review*. New York. 2000. Vol. 34. P. 1058.

²¹ *Zaslavsky V., Brym R.* Soviet Jewish Emigration and Soviet Nationality Policy. New York, 1983. P. 18.

²² *Roi Y.* The Struggle for Soviet Jewish Emigration. 1948–1967. Cambridge, 1991. P. 341.

традицией»²³. Это случилось уже в конце 1920-х гг., в ходе «закручивания гаек» во внутренней и внешней политике и усиления скрытых на первый взгляд антисемитских настроений в стране.

Однако есть основания полагать, что многие из тех, кто покинул СССР в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. в условиях развития уже массовой алии, имели качественно иные психологические установки по сравнению с их предшественниками. Так, В.В. Энгель отмечает, что около 70 тыс. советских евреев, выехавших в Израиль в это время, несли в сознании ярко выраженную сионистскую идею. «Это была самая идеологизированная алия за всю историю Израиля, начиная с 1940-х годов. Это были люди, [...] обладавшие четким национальным и сионистским самосознанием [...] Характерно, что именно эта часть русских израильтян наиболее успешно абсорбировалась в стране»²⁴. В свою очередь, Ю. Зинин полагает, что многие советские евреи еще до отъезда из СССР не были готовы к сохранению «культурно-психологической общности со страной своего происхождения» и поэтому более или менее легко абсорбировались в новые для себя культуру и ментальность²⁵.

Последнее суждение представляется излишне категоричным. Не совсем верно упрощать и тем более обобщать сознание миллионов советских евреев. Многие из них на протяжении большей части своей жизни в принципе не думали о репатриации, другие, думая о ней, плохо представляли, что их ждет на «исторической родине», каковы перспективы их существования. Многие из тех, кто покинул СССР, действительно, столкнулись с совершенно непривычными для себя жизненными условиями и далеко не всегда были готовы быстро свыкнуться с ними, отказаться от прежнего восприятия. Закономерно, что к середине 1970-х гг., когда репатриация стала привычной, Израиль стал одним из центров всеобщего Русского мира, существующего за пределами его традиционных границ. С одной стороны, Израиль оставался ярко выраженной иудаистской страной, не похожей на США, Канаду, Австралию и другие государства, где тоже формировались русскоязычные общины, а с другой – он был «наиболее русскоязычным» на фоне всех остальных стран. Это объяснялось тем, что в ментальном отношении новый теперь уже репатриантский Израиль формировался не на традиционно еврейской, а скорее на более широкой, советской, культуре.

²³ *Shindler C.* Exit Visa. Détente, Human Rights and the Jewish Emigration Movement in the USSR. London, 1978.

²⁴ *Энгель В. В.* Социально-психологические аспекты еврейской эмиграции из СССР/СНГ последней трети XX – начала XXI в. (на примере Израиля, США и Германии) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001. М., 2007. С. 174.

²⁵ *Зинин Ю.* Русские на «Земле обетованной» // Азия и Африка сегодня. 2001. № 1. С. 63.

Об этом ярко писал в те годы знаменитый журнал «Посев»: «Сегодня Израиль [...] – самая русская страна. На улицах больших и малых городов повсюду слышна русская речь. Магазины, торгующие холодильниками, газовыми плитами и прочими необходимыми новым иммигрантам электро- и радиотоварами, ищут продавцов, говорящих по-русски. А совсем недавно в самом центре шумного Тель-Авива распахнул двери новый ресторан, названный именем, знакомым каждому русскому человеку – “Распутин” – с русскими щами и с балалайкой»²⁶. Думается, что эти «картинки» снимают вопрос о том, готовы ли были бывшие граждане СССР, оказавшиеся в Израиле, отказаться от своих традиционных психологических установок. Не всегда и не во всем.

Настроения уезжавших из СССР претерпели существенные изменения в ходе третьего этапа советской алии (вторая половина 1970-х – 1980-е гг.). Они стали «менее сионистскими», хотя эти настроения продолжали оставаться в этой среде. Такие изменения самоидентификации евреев стали возможными после нападения в октябре 1973 г. арабских террористов на поезд с советскими евреями. Те следовали в Вену, ставшую перевалочным пунктом для переправки людей из СССР в Израиль. Канцлер Австрии Б. Крайский распорядился закрыть транзитный лагерь в замке Шенау, где советские евреи содержались в строгой изоляции до посадки на самолет до Тель-Авива. Теперь прибывавшие в Вену евреи получали право самостоятельно выбирать дальнейший маршрут следования²⁷. Это внесло диссонанс в мироощущение многих репатриантов. Всего в этот период СССР покинуло более 210 тыс. чел., но в Израиле приземлилось лишь около 120 тыс. из общего числа²⁸. Остальные отправились в другие страны.

Приход к власти в США Президента Р. Рейгана, назвавшего СССР «империей зла», обострил советско-американские отношения. Это привело к ответной реакции советских властей, ограничивших выезд евреев из СССР. Число репатриантов снизилось практически до уровня середины 1960-х гг., а выехавших в 1982–1986 гг. было лишь около 7 тыс. чел.²⁹. Это объяснялось не только формальными отказами со стороны «соответ-

²⁶ Миловидов В. «Русские» в Израиле // *Посев*. Франкфурт-на-Майне, 1973. № 1. С. 24.

²⁷ Костырченко Г. Политика советского руководства в отношении еврейской эмиграции после XX съезда КПСС (1956–1991) // *Еврейская эмиграция из России. 1881–2005*. М., 2008. С. 202–219.

²⁸ Энгель В. В. Социально-психологические аспекты еврейской эмиграции из СССР/СНГ последней трети XX – начала XXI в. (на примере Израиля, США и Германии) // *История российского зарубежья...* С. 174.

²⁹ Морозов Б. Еврейская эмиграция из СССР как фактор международных отношений // «Русское» лицо Израиля... С. 481.

ствующих учреждений» в СССР, но и мощной пропагандистской обработкой людей, которым из различных источников информации постоянно внушалась мысль о враждебности другого мира, и в частности Израиля. Отсутствие альтернативных источников информации (в советских библиотеках того времени зарубежная пресса была практически недоступной для массового читателя) также привело к тому, что стремление на выезд в сознании многих советских евреев оказалось «притупленным». В свою очередь, широкое распространение получала информация Антисионистского комитета советской общественности (1983), куда входили генерал, дважды Герой Советского Союза Д.А. Драгунский, композитор М.И. Блантер, академик АН СССР М.И. Кабачник и многие другие по-настоящему авторитетные в стране люди.

Как утверждал в 1984 г. мюнхенский журнал «Страна и мир», еврейская эмиграция из СССР прекратилась практически окончательно. Действительно, в октябре того же года из СССР в Вену приехало лишь... 29 человек, в то время, как в 1979 г. – пиковом для алии – ежемесячное число репатриантов достигало 5 тысяч. Советская власть, по-видимому, сочла прежний метод разрешения внутренних проблем неэффективным для проведения своей политики. В результате к пропагандистским мерам добавились административные: участились аресты еврейских активистов, началось изъятие уже готовых документов из ОВИРа и т.д.³⁰

Новый, четвертый по счету, всплеск еврейской репатриации из СССР начался в конце 1980-х и распространился на все 1990-е гг. Значительный всплеск этого процесса пришелся на годы, когда буквально на глазах рассыпалась советская политико-экономическая система и стремительно менялись духовные приоритеты общества. Правящая партия, КПСС, теряла бразды правления, становясь недееспособной. Одновременно в стране было принято более либеральное эмиграционное законодательство. Все это предопределило мощный всплеск эмиграционной волны вообще и репатриации в Израиль в частности. Так, только в 1990 г. из СССР уехало 450 тыс. чел.³¹ При этом значительная часть этих людей (более 185 тыс. чел.) отправилась именно в Израиль³². Помимо названных причин стремление к массовому отъезду за рубеж было продиктовано обострением межнациональной конфликтности в стране и, в частности, опасностью еврейских погромов

³⁰ Страна и мир. Мюнхен, 1984. № 11. С. 27.

³¹ Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья. URL: <http://www.demoscope.ru>.

³² Тольц М. Постсоветская еврейская диаспора: новейшие оценки. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0497/tema01.php>.

(о чем в эти годы уже открыто писала советская пресса). Теперь уже уезжали целыми семьями.

Таким образом, у еврейской репатриации периода «перестройки» и первых постсоветских лет была определенная специфика по сравнению с аналогичными процессами, проходившими прежде.

Во-первых, новая репатриационная волна стала более разнообразной по своему качественному составу. Ее сионистские основы постепенно размывались. Этот фактор определялся тем, что помимо евреев по крови в Израиль активно поехали члены их семей, которые не всегда имели отношение к еврейству. Это многое меняло в повседневной жизни Израиля, и, в частности, его культуру, социальные интересы.

Во-вторых, если ранее репатрианты из СССР лишались советского гражданства, то позже это условие было аннулировано, что сделало процесс отъезда психологически более комфортным. Люди знали, что они теперь не теряют возможности вернуться обратно. Очень точно охарактеризовал эту ситуацию один из старых репатриантов: «Мы уезжали навсегда, а теперь уезжают посмотреть»³³. В этих словах чувствуется толика преувеличения: большинство переезжавших тогда в Израиль не собиралось возвращаться назад. Вместе с тем некоторые представители новой алии воспринимали Израиль как временную остановку на пути следования в США и Канаду. Так, с января 1989 г. по июнь 2002 г. в Израиль репатрировалось в общей сложности свыше 1,1 млн человек, из них затем покинули страну чуть более 100 тыс. чел. (8,9% от числа всех приехавших). Правда, в это число входят и те, кто вернулся обратно в Россию и другие страны бывшего СССР³⁴. За последние годы соотношение между репатриантами и теми, кто по разным причинам покинул Израиль, осталось практически без изменений³⁵.

Тем не менее, все это свидетельствует о неустойчивости репатриационного процесса, выраженного, в частности, в отсутствии в сознании многих приезжающих в Израиль «сионистских интересов». Более того, многие из них, особенно люди молодого возраста, вообще смутно понимают сущ-

³³ Гомберг Л. Звезда и смерть «Большой алии» // Новое время. 1993. № 52. С. 30.

³⁴ Саноян Д., Эпштейн А. Эмиграция евреев из Израиля – антитеза сионистской идеологии // Диаспоры. 2006. № 1. С. 200–223. URL: <https://talgat-irisbaev.livejournal.com/3442.html>.

³⁵ Ханин З. Новые постсоветские репатрианты в Израиле: социально-демографический профиль, территориальное распределение и идентичность // IX Штерновские чтения: Новая постсоветская алия в Израиле: причины и мотивы, ценности и идентичность. URL: <http://madan.org.il/ru/news/novaya-postsovetskaya-aliya-v-izraile-prichiny-i-motivy-cennosti-i-identichnost>.

ность сионизма и особенности его исторического и современного развития³⁶. Людьми, имеющими право на репатриацию, при отъезде на «свою историческую родину» движут очень разные причины и интересы.

В-третьих, репатриантов этой, четвертой по счету, волны отличает большее материальное благополучие, чем это было у их предшественников. Если поначалу многие приезжавшие, как и раньше, имели очень скромные финансовые возможности (с учетом существенных ограничений на вывоз валюты, невозможности продать в СССР свое жилье), то уже к середине 1990-х гг. число более обеспеченных репатриантов начинает возрастать. Доля лиц с высшим и средним специальным образованием оказалась в этой волне исключительно высока (65 % – в 1990–1991 гг.)³⁷.

Материальный фактор не только не утратил в самые последние годы своего влияния, но стал еще более заметным. Нынешние российские репатрианты представляют собой очень разнородную социальную группу. Это люди самых разных возрастов и профессий. Им свойствен гораздо менее заметный по сравнению с репатриантами предыдущей волны интерес к политике, приверженность сионизму практически перестала представлять для них какую-то общественную ценность. Мотивы репатриации разнятся и во многом связаны с желанием большей профессиональной и личной самореализации. Вместе с тем на общем фоне стала заметной группа людей, которая репатрируется в Израиль по причине неприятия установок в сфере политики и экономики, проводимых нынешним российским руководством. Среди них немало представителей писательского и академического сообществ, окрестивших сами себя как «путинская алия».

Таким образом, репатриация из СССР, а потом и постсоветской России в Израиль, начавшаяся много десятилетий назад, выглядит по-настоящему сложным и противоречивым явлением. Вместе с тем нельзя не признать, что многим ее представителям во все времена был присущ высокий образовательный уровень. Подавляющее число репатриантов обладало ярко выраженной профессиональной активностью, без преувеличения повлиявшей в дальнейшем на социально-экономическую жизнь Израиля. Закономерной поэтому становилась потребность репатриантов различных по-

³⁶ Один из авторов этой статьи неоднократно убеждался в этом, читая лекции в Ариэльском университете в рамках учебно-образовательной программы «МАСА», организованной правительством Израиля и Еврейским Агентством «Сохнут» для молодежи стран СНГ и Балтии, имеющей право на репатриацию. Желающие осуществить это решение выдвигали в качестве основной мотивации различные причины, но среди них никогда не звучала потребность участия в развитии Израиля как сионистского государства.

³⁷ Государство Израиль. Алия // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://eleven.co.il/article/11732>.

колений заявить о себе в СМИ. Благодаря им разные волны алии сумели идентифицировать себя и продвинуть свои социальные, политические и духовные интересы. Эти попытки способствовали развитию общего культурного и духовного процессов в Израиле.

Феномен русскоязычной эмигрантской прессы Израиля: особенности развития

Русскоязычные СМИ в Израиле по-прежнему являются недостаточно изученным явлением. Это можно объяснить формально большим числом этих изданий, которые существовали на протяжении всех этапов репатриации в период СССР. До сих пор не подсчитано общее число русскоязычных газет и журналов; нет и полного списка их редакторов и журналистов.

Известно, что первый русскоязычный «Бюллетень», издававшийся землячеством выходцев из Китая («Игуд Иоцей Син», как значилось на титульном листе), начал выходить еще в 1954 г. По форме это был тонкий журнал, имевший преимущественно информационное содержание, что, впрочем, не помешало ему оставаться на плаву и в начале нынешнего века. Спустя пять лет после создания «Бюллетеня» появился ежемесячный журнал «Вестник Израиля», а в 1963 г. вышел первый номер журнала «Шалом». В нем содержался своеобразный «винегрет», состоявший из новостных заметок, небольших по объему корреспонденций и даже теоретических статей, ставящих на обсуждение вопросы сионизма и практической работы.

Все эти издания не были СМИ в привычном смысле. Наличие массовой информации предполагает существование устойчивой содержательной и графической модели издания, работу с аудиторией, жанровое разнообразие и т.д. Названная же периодика по большей мере была рассчитана на выполнение определенных политических задач³⁸. Эта ситуация продолжалась вплоть до начала 1970-х гг., когда число «русских» в Израиле возросло, что позволило расширить разнообразие СМИ. На фоне формирования более обширной аудитории проявили себя первые попытки создания общественно-политических, литературно-художественных, массовых периодических изданий.

Можно утверждать, что русскоязычная пресса в Израиле с самого начала олицетворяла наличие так называемой «гибридной культуры» (*culture of hybridity*), которая представляет собой соединение двух и более культур,

³⁸ Эпштейн А. Русско-еврейские печатные СМИ в Израиле и причины их заката // Израиль: русские корни. Иерусалим, 2011. С. 452.

накладываемых друг на друга в процессе практической реализации³⁹. Это не уникальное явление в мировой медиапрактике. Схожий путь проходила в своем развитии русскоязычная периодика во многих европейских странах (Франции, Чехословакии, Германии и ряда других). Она стала заметным явлением уже в первой половине 1920-х гг., после массовой эмиграции из советской России. С одной стороны, эта пресса не могла и зачастую даже не стремилась сблизиться с местными изданиями, а с другой – подспудно впитывала в себя содержательные смыслы местных культур, что накладывало отпечаток на все ее существование. Доминирующей (*core domain*, по словам Д. Крейна⁴⁰) для этих СМИ всегда оставалась родная культура.

Эта тенденция остается, по существу, универсальной и свидетельствует о закономерностях развития «малых культур в рамках «большой» инородной культуры⁴¹. В схожем положении с самого начала оказались русскоязычные СМИ в Израиле. Они получили развитие с момента второй волны репатриации, сложившейся в конце 1960-х гг. Это можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, притоком в страну большого числа людей, которые не могли общаться на иврите и которым требовались источники информации для решения своих повседневных вопросов. Во-вторых, подавляющее большинство новых репатриантов имело высшее образование и поэтому не могло довольствоваться чтением узконаправленных политических изданий, вроде названного выше журнала «Шалом». В-третьих, в числе репатриантов этой волны оказалось немало гуманитариев (художников, музыкантов и т.д.), которым было трудно ограничить себя только политически ориентированной информацией.

Все это предопределило расширение в Израиле русскоязычного информационного пространства на рубеже 1960–1970-х гг. Оно было весьма хаотичным, ввиду отсутствия у большинства людей, занятых этим делом, системных представлений о специфике журналистской информации. Тем не менее, на общем фоне довольно быстро сформировались два основных типа периодики: *общественно-политические газеты*, оперативно откликавшиеся на запросы дня, и *журналы литературно-философской направленности*, публиковавшие не только чисто литературные тексты, но и статьи по вопросам истории, социально-политической проблематики и т.д. Если первая группа изданий в большинстве своем была нацелена на

³⁹ Hall S. Culture, Community, Nation // Cultural Studies. 1993. № 7(3). P. 362.

⁴⁰ Crane D. Introduction: The Challenge of the Sociology of Culture to Sociology as a Discipline // The Sociology of Culture. Oxford, 1994.

⁴¹ European Television: Immigrants and Ethnic Minorities / Eds. C. Franchon, C. & M. Vargaftig. London, 1995.

широкую публику, заинтересованную в получении оперативной и познавательной информации как из Израиля, так и зарубежья, то вторые ориентировались в большей мере на интеллектуально-ориентированную аудиторию, независимо от места ее проживания.

Обращает на себя внимание то, что в эти годы русскоязычная израильская пресса, независимо от своей принадлежности к тому или иному типу изданий, не стремилась напрямую ориентироваться на еврейскую тему. Эти вопросы, если и затрагивались, то далеко не в каждой публикации. Характеризуя в те годы русскоязычную печать в Израиле, публицист мюнхенского издания «Страна и мир» Ш. Маркиш отмечал, что значительная ее часть не имела прямого отношения к еврейской культуре: «Фактически это русская эмигрантская пресса, в принципе немногим отличающаяся от русских изданий в Париже, Нью-Йорке или Буэнос-Айресе»⁴². Такой подход можно объяснить, прежде всего, стремлением редакций к расширению читательского спроса, позиционированию своих изданий за пределами Израиля.

Еврейскими по духу были лишь отдельные издания. Среди них следует назвать журнал «Сион», начавший выходить в 1972 г. как «рупор твердых каменных сионистов, первых репатриантов новой волны».

Однако даже «Сион» постепенно эволюционировал к более умеренной позиции. За рамки еврейской тематики с самого начала вышел и журнал литературно-философской направленности «22», также поднимавший общественно-политические вопросы. В свою очередь, аналогичный по типу журнал «Время и мы» вообще позиционировал себя как орган «русской демократической эмиграции». Его платформа скорее сводилась к отстаиванию прав человека на изложение и получение свободной информации. «Время и мы» не был сосредоточен на еврейском вопросе, его отличала четкая антисоветская позиция, базировавшаяся на либеральных ценностях.

На тот момент именно журналы оказались более влиятельными источниками информации, чем газеты. Это объясняется, прежде всего, экономической составляющей. Выпуск журнала, как правило, обходится дешевле, чем газеты, если не считать современных глянцевого издания, которые печатаются большими тиражами и окупаются намного быстрее, чем качественная пресса. Число же русскоязычных читателей в 1970-е гг. было таковым, что они при всем желании не могли покрыть издержки от выпуска еженедельной, а тем более ежедневной газеты. Израильский бизнес также не стремился вкладываться в русскоязычную прессу с учетом

⁴² Маркиш Ш. «То ли в подданстве, то ли в гражданстве» // Страна и мир. 1984. № 7. С. 76.

ее низкой рентабельности. В результате на этом этапе журнал литературной направленности оказался наиболее востребованным на медийном рынке. При этом в соответствии с долгой традицией выхода таких изданий (прежде всего в России), он никогда не был ориентирован только на публикацию литературно-художественных произведений, но стремился анализировать многие повседневные явления окружающей жизни, в том числе по вопросам политики и культуры.

Газеты же стали активнее заявлять о себе только в самом конце 1980-х – первой половине 1990-х гг., когда Израиль стал местом притока огромного числа новых репатриантов. Лишь за 1990 г. русскоязычное население в этой стране удвоилось, а за два последующих года утроилось⁴³. Вместе с тем общий образовательный уровень новых репатриантов стал все-таки ниже по сравнению со своими предшественниками. Как следствие, далеко не все из них нуждались в толстых журналах и обращались к СМИ лишь для получения оперативной информации. Это значительно ускорило развитие общественно-политической прессы, ставшей «автономным культурным пространством» во всем многообразии израильских СМИ⁴⁴. Русскоязычная печать «задышала» еще и потому, что вновь прибывшие значительно активизировали рынок различных услуг. Это в конечном итоге увеличило общий приток рекламы в СМИ, в том числе в русскоязычные издания, впервые получившие возможность более или менее стабильного развития.

Развитие русскоязычной прессы в первой половине 1990-х гг. происходило стремительно. Так, в 1990–1993 гг. в Израиле появилось 66 новых периодических изданий. В 1998 г. распространялось уже свыше 120 русскоязычных СМИ, включавших в себя, в частности, четыре ежедневные газеты, 60 еженедельников, 43 ежемесячных журнала разной содержательной направленности. Правильно утверждать, что соотношение общего числа названных СМИ к числу русскоязычных израильтян было значительно выше по сравнению с соотношением СМИ на иврите к числу «коренных» граждан этой страны. Практически все русскоязычные СМИ печатались в Израиле, что позволяет говорить о чрезвычайно динамичном развитии в эти годы и местной полиграфической базы. Не случайно этот непродолжительный период называют «золотым временем» израильской массовой информации на русском языке⁴⁵.

⁴³ Энтлейн А. Русско-еврейские печатные СМИ... С. 453.

⁴⁴ Zilberg N., Leshem E. Russian-Language Press and Immigrant Community in Israel // *Revue European des Migrations Internationales*. 1996. Vol. 12. № 3. P. 173–190.

⁴⁵ Caspi D., Adoni H. The Red, the White and the Blue: The Russian Media in Israel // *International Communication Gazette*. 2002. URL: https://www.academCia.edu/6766392/The_Red_the_White_and_the_Blue_The_Russian_Media_in_Israel.

Политизация прессы, торжествовавшая в 1970–1980-е гг., все более уступала место ее коммерциализации, и газета «Время» (1991), созданная на средства британского медиа-магната Р. Максвелла, оказалась именно таким изданием. Переменив через год после своего первого номера название на «Вести», это издание соединило на своих страницах информационное и аналитическое отображение действительности. Другие русскоязычные газеты «Наша страна», «Новости недели» также пытались удовлетворить запросы своей аудитории. Они предлагали политические новости об израильской и российской жизни, интервью и расследования, перепечатанные из московской прессы, развлекательную информацию, включавшую в себя занимательные задачки и кроссворды и т.д. Эти газеты сближали огромное число наших людей, не владевших ивритом, с новыми реалиями и одновременно служили для них окном в привычный мир. Для иммигрантов, испытывающих трудности в освоении иврита, отмечала Н. Элиас, СМИ на русском языке превратились в основной мост, связывающий их с новым окружением. В самом использовании русскоязычными репатриантами «своих» СМИ отразилась их «гибридная» идентификация русскоязычного сообщества, в котором изначально сочетались русские, еврейские и израильские элементы, «обеспечивающие гармоничное сосуществование тесной связи с русской культурой и ощущения единства с израильским обществом»⁴⁶.

Вместе с тем всплеск русскоязычной прессы оказался недолговечным. В 2000-е гг. ее возможности подточило развитие русскоязычного телевидения, которое в значительной степени перетянуло на себя рекламные бюджеты печатных СМИ. Редакции русскоязычных изданий не смогли приспособиться и к развитию современных информационных технологий. Интернет-сайты таких современных газет, как «Вести», «Курьер», «Новости недели» и др., существенно проигрывают по информационной насыщенности изданиям на иврите. Кроме того, число репатриантов, приезжающих в последние годы из стран бывшего СССР, снизилось по сравнению не только с 1990-ми, но и началом 2000-х гг. Дети репатриантов в подавляющем большинстве перестали воспринимать для себя русский язык как основной, им привычнее стало читать на иврите. В результате они перестали быть потребителями информации, предоставляемой русскоязычными СМИ. Происходит то, что было уже давно подмечено как фактор

⁴⁶ Элиас Н. Гетто или мост? Влияние русскоязычных СМИ на интеграцию иммигрантов // «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета. Москва – Иерусалим, 2007. С. 192.

неизбежной ассимиляции аудитории к новым реалиям при условии их доминирующего воздействия⁴⁷.

Это не значит, что данные СМИ обречены уже в ближайшее время. Как показывает мировая практика, уменьшение тиражей периодики даже в самых неблагоприятных ситуациях никогда не происходит стремительно. Однако рассчитывать на всплеск интереса к русскоязычной прессе также не приходится. Вероятнее всего, она будет умирать постепенно, однако этот процесс, судя по всему, все-таки неизбежен.

Журналы «Время и мы» и «22»: особенности содержания

Журналы «Время и мы» и «22» оказались, пожалуй, наиболее аналитическими изданиями за все годы существования русскоязычной прессы Израиля. Оба они выходили в Тель-Авиве, относились к числу журналов литературно-философской направленности и уже в пору своего существования приобрели известность за рубежом. Их отличали четкая эстетическая позиция, высокий уровень художественного слова в произведениях прозы и поэзии, глубокий аналитический взгляд на социально-политические и духовные явления окружающего мира.

Оба названных журнала в известной мере развивали ту духовную традицию, которая была присуща литературно-художественной периодике в России. Этот тип журнала появился еще в первой половине XIX в. и продолжил свое существование не только на протяжении всего советского времени, но и в постсоветский период. Он всегда пользовался признанием интеллектуальной части общества: на его страницах печатались новинки прозы и поэзии, а также литературные и философские обзоры, рецензии. Появление этого типа журналов в Израиле было продиктовано потребностью аудитории ощутить привычное по своему содержанию издание.

Главным редактором журнала «Время и мы» («журнала литературы и общественных проблем русской эмиграции», как значилось на его обложке) с момента основания в 1975 г. был Виктор Перельман, журналист, в свое время сотрудник популярной в СССР «Литературной газеты». В состав редколлегии журнала он привлек известных литераторов и критиков из числа репатриантов: Фаину Баазову, Лию Владимирову, Илью Гольденфельда, Михаила Калика, Галину Келлерман, Михаила Ледера, Дмитрия

⁴⁷ *Janowitz M.* The Community Press in an Urban Setting. Chicago, IL, 1967; *Riggins S.H.* The Promise and Limits of Ethnic Minority Media // *Ethnic Minority Media: An International Perspective*. Newbury Park, CA, 1992. P. 276–288.

Сегала и др. Журнал быстро стал популярным и имел представительства в США, Канаде, Франции, Великобритании, ФРГ и Западном Берлине. Он стал голосом русскоязычной еврейской интеллигенции, анализирувавшим ее место в израильском обществе. При этом «Время и мы» объединял тех интеллектуалов, для которых идея сионизма никогда не являлась ключевой.

Журнал отстаивал в большей мере универсальные духовные ценности (во всяком случае, как они понимались на тот момент времени в среде либерально ориентированной интеллигенции). Уже в его первом номере утверждалось: «Среди неверия и суеты, в мире, где грубая сила и ложь становятся нормой отношений между людьми, мы исполнены одной лишь целью – помочь читателю лучше разобраться во времени и в себе»⁴⁸.

Редакция журнала «Время и мы» была обеспокоена господством в современном обществе потребительской психологии. В этом В. Перельман и его коллеги не были одиноки. Многие и в Израиле середины 1970-х гг. сомневались в том, что серьезная литература будет востребована новым поколением репатриантов. Вместе с тем в журнале считали лживым утверждение, что читатель-эмигрант «инфантилен, и влечения его не идут дальше секса, спорта и детектива»⁴⁹. На страницах этого издания подчеркивалось иное: людей по-прежнему волнуют вечные вопросы о смысле жизни и будущем человечества. Именно эта проблематика и должна была стать основой «нравственной программы» журнала, который был рассчитан на небезразличного, думающего читателя, или, о крайней мере, стремящегося думать.

С самого начала существования журнала была задана его высокая художественно-эстетическая планка. Первый номер открывался романом А. Кестлера «Тьма в полдень», а в дальнейшем на его страницах увидели свет поэзия и проза Н. Коржавина, А. Галича, С. Довлатова и многих других известных литераторов. Журнал отличало стремление следовать традиции русской литературы и публицистики, о чем свидетельствовала появившаяся здесь проза Бориса Хазанова и Виктора Некрасова, стихи Ильи Рубина, Рины Левинзон, критическая эссеистика Натальи Рубинштейн. Вместе с тем редакция журнала активно ставила на обсуждение серьезные общественные проблемы, обсуждала «белые пятна» истории, публиковала мемуары. Можно сослаться, в частности, на воспоминания главного редактора И. Перельмана о своей прежней работе в «Литгазете» («Гайд-парк при социализме», № 1, 1975), на расследование Б. Орлова «Миф о Фани Ка-

⁴⁸ К выходу первого номера журнала «Время и мы» // *Время и мы*. 1975. № 1. С. 3.

⁴⁹ Там же. С. 4.

план», очерк Н. Михоэлс-Вовси «Убийство Михоэлса» (оба – в «Гайд-парк при социализме», № 3, 1975). Всего же через журнал за два десятилетия его существования, как посчитал сам В. Перельман, прошли свыше двух тыс. авторов.

Во многом иной содержательный характер носил журнал «22». Его основали в 1978 г. бывшие сотрудники редакции журнала «Сион». По сравнению с изданием В. Перельмана, «22» гораздо активнее пропагандировали идеи сионизма. Однако после репатриации в Израиль сотен тысяч советских евреев, принадлежавших уже к иному психологическому типу, чем активисты движения за выезд из СССР 1970-х гг., идейная платформа журнала «22» эволюционировала. Идейное пространство журнала становилось мостом на пути интеграции репатриантов в общество Израиля, который мыслился как часть мировой цивилизации.

Главным редактором журнала долгое время был Р. Нудельман, известный в СССР как переводчик произведений С. Лема. В начале 1990-х гг. «22» возглавил профессиональный физик А. В. Воронель, в прошлом – советский диссидент, арестованный за распространение листовок еще в 1946 г. и впоследствии ставший участником кампании в поддержку А. Синявского и Ю. Даниэля. В 1970-е гг. А. В. Воронель был активистом движения за выезд евреев в Израиль и одновременно редактором самиздатского журнала «Евреи в СССР». «Решение быть, – писал он в своей биографической книге “Нулевая исповедь”, – перестало означать для меня рутинное продолжение налаженной жизни и вылилось в ту творческую работу самосознания, которая привела меня (и многих других) к пониманию Исхода не только как бегства, но и как возрождения. Это была нелегкая интеллектуальная и литературно-философская задача, необходимость которой не всеми осознана и теперь, спустя десятилетия»⁵⁰.

Это жизненное кредо сполна отразилось и на страницах журнала «22». Он являл собой образец литературно-художественного издания, на протяжении многих лет демонстрировавшего высокий уровень публикаций, будь то проза, поэзия или публицистика. А. Воронелю удалось собрать вокруг журнала добротный состав русскоязычных литераторов, критиков, эссеистов из Израиля, России, Германии, США. Среди них были, в частности, известные в эмигрантской среде писатели Александр Генис и Яков Шехтер, литературные критики Наум Басовский и Александр Ревич, поэты Александр Кушнер, Анатолий Добрович, историк Михаил Сидорович, профессор физики и философ Эдуард Бормашенко и многие другие. Едва ли не каждый номер снабжался выразительными карандашными иллюстрациями.

⁵⁰ Воронель А.В. Нулевая исповедь. Харьков. 2013. С. 159.

Характеризуя содержание журнала «22», А.В. Воронель писал: «Наш журнал русскоязычный – следовательно, русская культура и ее проблематика нам не чужие. Вы найдете у нас по-настоящему оригинальную литературу во всех жанрах. Мы живем в Израиле – следовательно, израильская жизнь, еврейские ценности, тысячелетняя история нам дороги. Вы найдете в журнале серьезные статьи на эти темы. Мы живем в большом мире и зависим от него – следовательно, судьбы нашей цивилизации, современная философия, тенденции западной жизни всегда находят свое отражение на наших страницах»⁵¹.

Своим высказыванием А.В. Воронель, по существу, обозначил три направления редакционной политики, которые реализовывались на страницах журнала: российская, израильская и западная жизнь во всем их многообразии. В раскрытии каждого из этих направлений применительно к различным явлениям социальной, политической и культурной жизни А.В. Воронель видел стратегию редакционной политики своего журнала. И все же ключевой на общем фоне стала «израильская тема», определившая творческое лицо журнала.

Исследование израильской жизни воспринималось неотрывно от идей сионизма, определивших истоки формирования этого государства и его последующее развитие. «Мое поколение стремились к познанию сионизма еще задолго до репатриации в Израиль в середине 70-х годов, – утверждает А.В. Воронель. – Вместе с тем говорить о наличии в нашем сознании каких-то глубоких знаний по этой теме не приходится. Много, если не все, определялось эмоциональной составляющей, сформированной с юности. Алгоритм восприятия был примерно таким: я не похож на большинство тех, кто меня окружает, и поэтому не хочу идти в ногу вместе со всеми. Сионизм же воспринимался как своеобразная, не очень определенная, но все же определенная основа этой “инаковости”, дававшая им “точку опоры” в жизни»⁵².

Осознание В. Перельманом и А.В. Воронелем духовной миссии своих журналов и их отчетливо выраженное внимание к подбору авторов сформировало содержание обоих изданий, их ярко выраженную глубину в исследовании актуальных вопросов современности. «По масштабности восприятия действительности это были очень добротные издания, не уступающие содержательному уровню лучших российских литературно-художественных изданий своего времени, – считает профессор Ариэльского

⁵¹ Воронель А. В. Предисловие редактора к электронной версии журнала. URL: <http://www.sunround.com/club121/voronel.html>.

⁵² Интервью Д.Л. Стровского с А.В. Воронелем 5 декабря 2017 г.

университета Э. Бормашенко, входивший в редколлегию журнала «22». – Это можно объяснить значительным вниманием обоих редакторов к важнейшим социальным проблемам дня и пониманием ответственности перед своими читателями»⁵³.

«Еврейская тема» на страницах журналов «Время и мы» и «22»

Специфика редакционной политики отмеченных журналов отражалась на освещении ими «еврейской темы», ставшей одной из ключевых на протяжении всего времени выпуска изданий.

Чрезвычайно важным на этом фоне был вопрос об исторических корнях формирования репатриационных настроений еврейской интеллигенции в СССР. Так, публицисты журнала «Время и мы» подчеркивали, что еврейская интеллигенция давно (по крайней мере, с 60-х гг. XIX в.) пыталась интегрироваться в российское общество и его культурную жизнь. Однако этот процесс был сложным и противоречивым. С одной стороны, как неоднократно указывал журнал, за последующие сто лет несколько поколений российских евреев были встроены в общероссийскую и советскую реальность, охвачены системой государственного образования, так или иначе ориентированного на их ассимиляцию. С другой стороны, все эти действия логически привели к тому, что евреи, жившие на территории Российской империи, а затем СССР, по существу потеряли язык диаспоры – идиш, а вместе с ним, в значительной степени, и элементы своей культуры (музыку, театр, литературу). Отдельные проявления культуры, например, относящиеся к иудаизму, были запрещены. При этом, как замечал публицист журнала «Время и мы» И. Домальский, первое поколение по целому ряду причин расставалось со всем этим «без боли», а следующим «и расставаться не пришлось»: «они не жалеют ни о чем»⁵⁴.

Одновременно И. Домальский пытался понять, что произошло в этом случае с психологией евреев, которая на протяжении тысячелетий во многом разнилась с психологией других народов. Та сила сопротивления, которая присуща еврейскому народу, нередко содействовала процессу ассимиляции: молодежь активно сопротивлялась старому еврейскому быту, боролась со своим традиционным окружением. Уместно вспомнить деятелей большевистской революции 1917 г., евреев по крови и воспитанию, которые публично отрекались от своих семейных корней. Впоследствии эта

⁵³ Интервью Д.Л. Стровского с Э. Бормашенко 11 декабря 2017 г.

⁵⁴ *Домальский И.* Технология ненависти // *Время и мы*. 1978. № 25. С. 123.

сила преобразовывалась в «энергию служения новой, доселе невиданной, манящей, светлой культуре»⁵⁵. Таким образом, утверждает И. Домальский, евреи стали важнейшими участниками того глобального социального проекта, который осуществлялся в Советском Союзе.

Евреи всегда были неотъемлемой частью советского общества, активными инициаторами и носителями политических и экономических преобразований. Об этом на страницах журнала «Время и мы» писал Лев Тумерман, один из ярких представителей еврейского национального движения. Родившийся в 1898 г. в Бердичеве, он прошел через обучение и в традиционном хедере, и в МГУ, став впоследствии заведующим лабораторией в Институте молекулярной биологии АН СССР. В 1947 г. его арестовали по обвинению в сионистской деятельности, заключив на семь лет в одиночную камеру Владимирской тюрьмы. Уже находясь в Израиле, Л. Тумерман размышлял о том, что у евреев в России и СССР была преемственность восприятия окружающей жизни выраженная в наличии русской речи, впитанной с молоком матери, через который еврейская интеллигенция воспринимала «все многоцветие западной культуры». Казалось бы, этого было достаточно, чтобы почувствовать себя полноценными гражданами своего Отечества. «Только не было Родины, – писал он. ...Мы поняли, что чужими мы были всегда в этой стране и для этой страны и чужими останемся навеки»⁵⁶. Схожие суждения высказывал и другой публицист журнала «Время и мы», научный сотрудник Еврейского университета в Иерусалиме Борис Орлов. «Еврейство России, – отмечал он, – проделало беспримечательный опыт слияния с русским народом и русской культурой, вмешалось в судьбу и историю России, и, внезапно оттолкнувшись, как отталкиваются от одинаково заряженного тела, ушло. Самое поразительное в этом уходе – его добровольность в момент наивысшей ассимиляции, свободное принятие решения в стране тотальной несвободы»⁵⁷.

По мнению многих авторов журнала «Время и мы», это решение сформировалось тогда, когда под угрозой в СССР оказалось само существование еврейского народа. В условиях повседневной дискриминации многие его представители стремились значиться по документам как русские; к этому побуждали и разговоры в семье, которые вели старшие с младшими, как бы подводя последних к мысли, что можно помнить своих бабушек и дедушек, но лучше оставаться как бы в стороне от связи с ними. Одновременно советская власть всеми силами стремилась разбудить у них

⁵⁵ Домальский И. Технология ненависти // *Время и мы*. 1978. № 25. С. 124.

⁵⁶ Тумерман Л. Израиль: Европа или Азия? // *Время и мы*. 1976. № 5. С. 110.

⁵⁷ Орлов Б. Не те вы учили алфавиты... // *Время и мы*. 1975. № 1. С. 127.

неприязнь к Израилю. «Все нацелено на то, чтобы советский еврей, пройдя все ступени национального самоотречения, в конце концов, возненавидел разрисованный всеми красками ада Израиль, который одним своим существованием портит ему жизнь и карьеру, – писал И. Домальский. – И, когда это будет достигнуто в нужных масштабах, решение вопроса придет само собою. Зачем убивать евреев? Еврейство само себя прикончит»⁵⁸.

Как отмечалось выше, важнейшей для самосознания советских евреев стала Шестидневная война, породившая во многих из них еще более осознанное стремление оказаться на Земле обетованной. Вместе с тем в реальности лишь меньшинство евреев принимали для себя решение навсегда уехать из Советского Союза. Подавший заявление на выезд из страны советский еврей, по мнению того же И. Домальского, совершал «шаг к бестрашию», в нем пробуждалось «человеческое достоинство»⁵⁹. Наряду с этим он сразу же осознавал тяжелый прессинг, который начинал давить на него и вынуждал уходить с работы и нередко отказываться от привычных связей и знакомств.

Многие другие советские евреи, не рискнувшие подать заявление на выезд, тем не менее, начали задумываться о судьбе своего народа. У многих стали зарождаться сомнения в том, что процесс ассимиляции был для них благотворным. И. Домальский считал позитивным само возникновение таких сомнений у представителей еврейской интеллигенции в СССР. Он призывал сохранять национальное самосознание, гордиться принадлежностью к еврейскому народу, несмотря на давление со стороны государства и общества.

В данном вопросе с И. Домальским был во многом солидарен главный редактор журнала «22». «Я видел свою роль как редактора, – отмечает А.В. Воронель, – чтобы закрепить в общественном сознании урок, полученный советским еврейством на протяжении многих десятилетий жизни в СССР. Этот урок сводился к тому, что евреи сами несут ответственность за свою судьбу. Несмотря на многие общие взгляды с другими народами, евреи формировали в себе осознание иной общности людей. На протяжении длительного времени мы жили при соприкосновении с русской и советской культурами. И я видел для себя осознание смысла того, мы другие, что нам нужен свой путь»⁶⁰.

Данная проблематика была поднята на страницах журнала «22» и в связи с появлением известной книги А.И. Солженицына «Двести лет вме-

⁵⁸ *Домальский И.* Технология ненависти // *Время и мы.* 1978. № 25. С. 117.

⁵⁹ Там же. С. 113.

⁶⁰ Интервью Д.Л. Стровского с А.В. Воронелем 5 декабря 2017 г.

сте». Следует отметить, что А.В. Воронель внимательно отнесся к концептуальным построениям русского писателя. Как отмечает Э. Бормашенко, тот «никогда не был узок в своих воззрениях, никогда не страдал духовной и политической ангажированностью». Во многом закономерно, что редактор журнала «22» дружил с Александром Солженицыным, но при этом никогда не разделял в полной мере его взгляды на «еврейский вопрос»⁶¹.

А.В. Воронель был согласен с А. И. Солженицыным, в частности, в том, что специфика российской государственности изначально придавала особый характер взаимоотношениям власти и еврейской интеллигенции: «Великодержавие входит как важный, опорный элемент в национальную самоидентификацию русского человека. Естественно, что еврейское население Российской империи, лишенное этого ресурса, вынуждено было полагаться только на себя или поддержку единоверцев и потому систематически оказывалось в положении «нарушителей конвенции». Нет сомнения, что еврейская самодеятельность нарушала единообразие и простоту администрирования в Империи»⁶².

Вместе с тем, по мнению А.В. Воронеля, именно взаимоотношения российской власти и еврейской интеллигенции наиболее ярко «высвечивают» проблему длительного отсутствия в России своеобразного «общественного договора», способного стабилизировать национальную государственность. И главный редактор журнала «22» делает такой вывод: «В каком-то смысле и отъезд евреев из России (внутреннее согласие на развод с обеих сторон) явился как предвестник и отчасти первый пример и результат уже, таким образом, сложившегося «общественного договора»»⁶³.

Важной проблемой, находившей развитие на страницах русскоязычных изданий, стал вопрос о наличии сионистских настроений в сознании большинства еврейских интеллигентов – выходцев из СССР. Публицист журнала «Время и мы» Ася Левина, филолог по профессии, подчеркивала следующее: «...Вовсе не сионизм заставляет советских евреев ехать в Израиль. Произошло смешение понятий средств и цели. То, что окрестили “сионизмом” советские власти, было на самом деле стремлением советских граждан – в данном случае евреев – освободиться от унижительной национальной дискриминации и от политического гнета тоталитарной системы [...] Нам не хватает главного: желания жить в национальном государстве...»⁶⁴.

⁶¹ Интервью Д.Л. Стровского с Э. Бормашенко 11 декабря 2017 г.

⁶² *Воронель А.* Двести лет... // Двадцать два. № 122. URL: <http://www.sunround.com/club122/voronel.html>.

⁶³ Там же.

⁶⁴ *Левина А.* Люди остаются людьми // *Время и мы*. 1977. № 14. С. 115.

С ней были солидарны другие авторы журнала «Время и мы», которые также отрицали, что десятки тысяч репатриантов из СССР являлись сионистами. Например, Б. Орлов писал: «Пробуждение национального самосознания у относительно небольшого слоя советских евреев было механически отнесено ко всему еврейству Советского Союза. Между тем, не обрести еврейство, а избавиться от него стало, по моему мнению, главной побудительной причиной эмиграции... Основное желание выросших в советском заповеднике евреев состоит в том, чтобы ни их, ни их детей никогда больше не спрашивали «Еврей ли ты?»⁶⁵.

Иной взгляд на эту проблему был представлен на страницах журнала «22». А. Оз, например, активно подчеркивал свою приверженность еврейству и сионизму⁶⁶. Публицистка этого же издания Лия Абрамсон, обращаясь к советским диссидентам-евреям, критически относившимся к выезду в Израиль, напрямую указывала на то, что люди этой национальности стоят особняком к интересам большинства советских людей. По ее мнению, так сложилось исторически, однако было значительно усилено в годы советской власти «Интересы евреев, – писала она, – инородные тела в любой нации, в любой культуре – объективно противоположны интересам этой нации. Это не чья-то злая воля, а факт, с которым и вам, и нам приходится считаться»⁶⁷.

Затрагивался в журнальной публицистике и вопрос об отношении советских властей к репатриационным установкам еврейской интеллигенции. Нафтали Прат (А. Парташников), уроженец Киева, арестованный в свое время за антисоветскую деятельность, уже живя в Израиле, отмечал, что советская власть нашла эффективный и сравнительно гуманный способ ликвидации смуты с помощью высылки неугодных лиц за границу. «Охранители покоя советских граждан стремились создать у своих подопечных впечатление, что все т.н. движение за права человека в СССР есть, в сущности, еврейское дело, чуждое русскому народу [...] Это впечатление тем легче было создать у восприимчивых масс, чем выше был процент участников движения – евреев по паспорту или происхождению»⁶⁸.

Журнал «22» уделял большое внимание проблеме сравнения психологических установок русскоязычных репатриантов разных волн. Депутат израильского Кнессета Ю. Штерн, чья деятельность во многом была нацелена на улучшение жизни репатриантов в Израиле, указывал, что приезд в

⁶⁵ Орлов Б. Пути-дороги «римских пилигримов» // *Время и мы*. 1977. № 14. С. 126.

⁶⁶ Оз А. Понятие отечества // *Двадцать два*. 1978. № 22. С. 29.

⁶⁷ Абрамсон Л. Открытое письмо Г. М. Шиманову // *Двадцать два*. 1978. № 22. С. 32.

⁶⁸ Прат Н. Чувство истории // *Время и мы*. 1977. № 20. С. 147–148.

эту страну в 1970-е гг. еврейской интеллигенции из СССР вызвал «идеологическое напряжение между старой и новой аליей». Основная причина создавшейся ситуации, по его мнению, сводилась к тому, что «русские» израильтяне, оказавшиеся в стране намного раньше, были в основном, левыми – сторонниками социализма. Они с энтузиазмом приветствовали приехавших в 1970-е гг. из СССР, считая, что те будут их идеологическими союзниками, но очень скоро убедились в обратном. Это стало проблемой, которая смягчилась только с годами, когда все больше израильтян отказались от социалистической идеологии⁶⁹.

Сравнение ценностных установок разных волн советской репатриации представлено и в статье Нелли Гутиной. Она вспоминает: «В 70-е годы мы еще застали поколение поселенцев, прибывших в Израиль в начале века из России. Даже принадлежа к разным поколениям, мы были друг другу интересны, хотя приехали из разных стран. Они – из революционной России. Мы – из СССР в период от застоя до распада»⁷⁰. При этом Н. Гутина затрагивает важную проблему сохранения русско-еврейской интеллигенцией своей специфической психологии уже в период пребывания в Израиле. Подчеркивая, что это во многом противоречило той модели, по которой строилось Государство Израиль, она отмечает: «В отличие от первых поколений израильтян с *русскими* корнями, мы приехали в тот период, когда в израильском доме уже были свои правила... Входя в национальный дом, багаж следовало оставить за дверью, лучше всего на помойке. Отказ от прежнего языка, культуры и идентификации был условием присоединения к израильскому мейнстриму. Революционеры из России сделали свою революцию – на этот раз сионистскую. Классический сионистский императив гласил: строй свою страну и себя в ней – по-новой»⁷¹.

Тем не менее, русскоязычная интеллигенция сохранила свою духовную общность с той культурой, в которой она долгая время жила и развивалась и после репатриации в Израиль. Символами этого и стали журналы «Время и мы» и «22». С одной стороны, они возникли на израильской почве, впитали в себя антисоветские настроения (исходя из традиционного восприятия этого явления), привлекали к сотрудничеству интеллектуалов, критически мыслящих по отношению ко всему тому, что их окружало в прежней жизни. С другой стороны, это были издания, которые во многом унаследовали культуру познания действительности, присущую на протя-

⁶⁹ *Кенигштейн М.* Все можно сделать // Двадцать два. № 153. URL: <http://www.sunround.com/club153/kenigshstein.html>.

⁷⁰ *Гутина Н.* Израильтяне – «Сделано в СССР» // Двадцать два. № 158. URL: <http://www.sunround.com/club158/gutina.html>.

⁷¹ Там же.

жении двух последних столетий классическим литературно-художественным журналам в России. Это выразилось в постановке на их страницах проблемных вопросов, касающихся современной жизни, ярко выраженной позиции самих авторов, наличию четких эстетических принципов, в совокупности определяемых как идейно-политическая позиция изданий, которая могла различаться от журнала к журналу. Это позволяет воспринимать «Время и мы» и «22» неразрывно от ярко выраженной мировоззренческой традиции толстого литературно-художественного журнала, без которой его существование в русскоязычном пространстве никогда не было возможным.

Выводы

Таким образом, анализ содержания журналов «Время и мы» и «22» подтверждает, что они в течение многих лет стремились выполнять важную роль связующего моста на пути интеграции репатриантов из Советского Союза и России в израильское общество. Основанные представителями еврейской интеллигенции, эти СМИ стали выразителями дискуссионности и открытости для различных точек зрения.

От внимания журнала «22» не ускользали противоречивые явления не только в политике СССР, но и Израиля. В качестве примера уместно сослаться на ситуацию 2005 г., когда сектор Газа был передан Палестинской автономии. Это повлекло за собой выселение с этой территории всех жителей поселения Гуш-Катиф. Главный редактор издания А. Воронель тогда дал возможность высказаться по этому поводу многим авторам, среди которых были представители правых и левых взглядов, люди светские и религиозные. «Все это подтверждало уважение редколлегии журнала к любой авторской позиции и формировало ту культуру общения, которая не утратила актуальности сегодня – на фоне склок и дрызг, которые во все времена охватывали эмигрантский мир.., – подчеркнул во время интервью профессор Ариэльского университета Э. Бормашенко, много лет являвшийся членом редколлегии журнала “22”. – А. Воронелю было важно, чтобы на страницах журнала публиковались не только “свои” авторы, исходя из их политической ориентации, но была возможность существования самого издания как дискуссионной площадки, где бы публиковались разные суждения по тому или иному поводу. А. Воронель и сам нередко принимал участие в таких обсуждениях, что формировало четкость журнальной позиции»⁷².

⁷² Интервью Д.Л. Стровского с Э. Бормашенко. 11 декабря 2017 г.

Данный подход к подбору авторов и признание права на их независимую позицию имеет безусловную ценность сегодня, когда многим изданиям, в том числе и литературно-художественным, оказывается присущей политизированность воззрений, одностороннее восприятие духовной действительности. Во многом такой подход обусловлен «встроенностью» современных СМИ в систему сложившихся в том или ином обществе политических отношений, ужесточенной ответственностью редакций перед своими собственниками и учредителями. Практика журналов «22» и «Время и мы» свидетельствует о безусловной значимости свободы творчества для существования по-настоящему качественного издания, способного инициировать поиск духовной и нравственной истины.

Следование принципу свободы самовыражения и ответственное отношение к слову были характерны для обоих журналов. Профессиональная деятельность названных изданий во многом базировались на российских литературных традициях. Редакторы этих журналов хорошо знали и уважали отечественную культуру, осознавая, что на протяжении длительного времени она напрямую влияла на мировоззрение российских евреев. Вместе с тем оба издания проводили мысль о том, что принятое многими евреями решение о репатриации вело к необходимости их более глубокого познания именно еврейской культуры.

Сказанное выше не означало абсолютного тождества идейных позиций данных журналов. Идеи сионизма были значительно более характерны для журнала «22», чем для основанного В. Перельманом издания «Время и мы». Последнее в большей степени акцентировало внимание на ценностях свободы личности и прав человека, полагая, что их осознание многими евреями стало фактором, обеспечившим их решение о репатриации в Израиль. Вместе с тем оба издания подчеркивали, что культура Израиля не изолирована от мировых тенденций, но представляет собой органичную часть глобального пространства. Именно слияние этой культуры с культурами других стран и народов виделось журналами «Время и мы» и «22» в качестве мессианской идеи, которая всегда была характерна для еврейского народа.

Новые тенденции в развитии СМИ в XXI в. – глобализация информационного пространства, активизация массовой культуры, окончательно подчинившей себе культуру элитарную, возросшая зависимость массовой информации от финансового фактора и др. – привели к упадку русскоязычной печатной периодики в Израиле. Кроме того, сегодня в этой стране утрачивается культура владения русским словом, особенно среди русско-

язычной молодежи, которая все более становится частью ивритоязычного сообщества. Это влечет за собой нежелание этой социальной группы, весьма обширной по численности, приобщаться к русскому слову во всех его проявлениях. Развитие бульварной литературы, приверженность молодого поколения репатриантов иным ценностям, чем те, которые были характерны для их предшественников и, вследствие всего этого, недостаточный рынок сбыта для русскоязычных печатных СМИ – все это в конечном итоге привело к закрытию таких изданий, как «Время и мы» и «22». Журналы во многом перестали удовлетворять повседневные потребности даже ограниченной части русскоязычного сообщества.

Эта тенденция, к слову, оказалась универсальной для всего русскоязычного пространства за рубежом. Следует признать, что во многих странах образцы «высокой» словесности сегодня уступили место массовым, а зачастую и бульварным СМИ. Таково требование нашего времени с его невысокими вкусами, воцарившимися, похоже, всерьез и надолго. При этом целый ряд зарубежных русскоязычных литературно-художественных изданий так и не сумел дойти до читателя в России. К примеру, тот же журнал «22» даже не получил прописки в Журнальном зале, существующем в Интернете, и поэтому, по словам Э. Бормашенко, «был обречен в исторической перспективе»⁷³. Он прекратил свое существование в 2015 г. Еще раньше, в 2001 г., после смерти В. Перельмана, завершился выход журнала «Время и мы».

Тем не менее, важно подчеркнуть, что эти издания остались в истории русскоязычной прессы Израиля. Они интересны и сегодня – не только для историков СМИ, литературоведов и критиков, но и для всех тех, кому не безразлична эволюция духовной мысли русскоязычной эмиграции. Анализ журналов «Время и мы» и «22» помогают лучше понять особенности русскоязычной культуры за рубежом, ее духовно-эстетические подходы, увидеть нравственные поиски людей, которые волею судьбы оказались участниками этого процесса и внесли вклад в интеграцию репатриантов из Советского Союза и России в израильское общество.

© Стровский Д.Л., Антошин А.В., 2018

Рукопись поступила: 22 января 2018 г.

⁷³ Интервью Д.Л. Стровского с Э. Бормашенко. 11 декабря 2017 г.

Для цитирования: *Стровский Д.Л., Антошин А.В.* Советская алия как важнейшая тема русскоязычной периодики Израиля: на примере журналов «Время и мы» и «22» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 2. С. 320–356. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-2-320-356

SOVIET ALIYAH AS A PIVOTAL THEME OF RUSSIAN-LANGUAGE PERIODICALS IN ISRAEL: THE CASE OF “VREMYA I MI” AND “22” JOURNALS

Dmitry L. Strovsky^a, Alexey V. Antoshin^b

^a Ariel University, Israel
Ariel University, 40700, Israel
dmityryst@ariel.ac.il; strovsky@mail.ru

^b Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
620003, Rossia, Yekaterinburg, Pr. Mira, 19
alex_antoshin@mail.ru

The article considers the peculiar features of the Soviet Aliyah as one of the leading themes of the Russian-language periodicals in Israel. Special attention is paid to the articles published in the 1970–2000s in the most prominent “thick” literary-political journals – “Vremya i My” and “22” which covered the fate of the Russian and Soviet Jews, as well as the phenomenon of repatriation. The study of the topic makes it possible to resolve several scientific problems. First of all, the analysis of the publications enables the authors to identify the key problems that are reflected in their content: the historical prerequisites for the formation of repatriation ideas in the minds of the Soviet Jewish intelligentsia, the attitude of the Soviet authorities to this phenomenon, and the evolution of the perception of the migration process as such and its various stages by the Israeli society. The studying of the above journals allowed distinguishing the contents specificity of each of them. The “Vremya i Mi” journal was characterized by demonstrative anti-Sovietism, based on the commitment to the concept of human rights and liberal values. In turn, the “22” journal was aimed at the development of Zionism ideas and strengthening of the position of those Jews who sought deep integration into the Israeli society. However, the both periodicals had similar content features: the articles published in them were of high analytical and artistic level. Both “Vremya i Mi” and “22” were characterized by a common desire to understand the problems of Jews’ repatriation and their adaptation in Israel. The both journals made a significant contribution to the history of Israel periodicals and to the formation of self-consciousness of the Russian-speaking population of this country. The article is presented in

the historical context. It reveals the main stages of the emigration of Jews from the USSR and modern Russia and the evolution of the reflection of this process on the pages of the journals.

Keywords: Israel, Soviet Aliyah, Russian-language periodicals, “Vremya i My”, “22”

REFERENCES

- Abramson, L. “Otkrytoe pismo G.M. Shimanovu.” [Open letter to G. M. Shimanov] In *Dvadsat Dva*, 28–30. Vol. 22. Tel-Aviv, 1978 (in Russian).
- Agapov, M.G. *Istoki sovetsko-israelskikh otnosheniy: Evreiskiy natsionalny ochag v politike SSSR v 1920–1930 gg.* [The roots of the Soviet-Israeli relationship: Jewish national hearth in the Soviet policy in 1920–1930ss]. Tumen: Vektor Buk Publ., 2011 (in Russian).
- Buwalda, P. *They Did Not Dwell Alone. Jewish Emigration from the Soviet Union. 1967–1990*. Washington; D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.
- Caspi, D., and Adoni H. “The Red, the White and the Blue: The Russian Media in Israel.” *International Communication Gazette*, 2002. https://www.academCia.edu/6766392/The_Red_the_White_and_the_Blue_The_Russian_Media_in_Israel.
- Caspi, D., and Elias, N. *Ethic Minorities and Media in the Holy Land*. London: Valentine Mitchell Publisher, 2014.
- Crane, D. “Introduction: The Challenge of the Sociology of Culture to Sociology as a Discipline.” In *The Sociology of Culture*. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- Denisenko, M. *Emigratsia is Rossii v strany dal'nego zarubezhya* [Emigration from Russia to abroad]. <http://www.demoscope.ru> (in Russian).
- Domalsky, I. “Tehnologia nenavisti.” [Technology of hatred]. *Vremya i My*, no. 25 (1978): 113–125 (in Russian).
- Drachman, E. *Challenging the Kremlin. The Soviet Jewish Movement for Freedom. 1967–1990*. New York: Paragon House, 1992.
- Elias, N. *Israel: Russian-Language Media Guide*. Tel-Aviv: The US Embassy, 2005.
- “Getto ili most? Vliyanie russkojazychnyh SMI na integratsiu immigrantov.” [Getto or the bridge: Influence of Russian-speaking media on integration of immigrants] In “*Russkoe*” *litso Izrailia: cherty sotsialnogo portreta*, 167–193. Jerusalem; Moscow: Gesharim; Mosty kultury, 2007 (in Russian).
- and Lerner, Ju. “Narrating the Double Helix: The immigrant-professional biography of a Russian journalist in Israel.” *Forum Qualitative Sozialforschung* 13, no. 1 (January 2012). <https://nbn-resolving.de>.
- and Khvorostianov, N. “‘Leave us alone!’: Representation of social work in the Russian immigrant media in Israel.” *International Social Work* 60, no. 2 (May 2015): 1–14.
- Engel, V.V. “Sotsial’no-psihologicheskie aspekty evreiskoi emigratsii is SSSR/ SNG posledney treti XX – nachala XXI vekov (na primere Israilya, SSHA i Germanii).” [So-

- cial-psychological aspects of the Jewish emigration from USSR/CIS at the end of 20th and the early 21st centuries (on the examples of Israel, USA and Germany)] In *Istoria Rossiiskogo zarubejia. Emigratsia is SSSR–Rossii. 1941–2001*, 172–198. Moscow: Institut Rossiiskoy Istorii RAN, 2007 (in Russian).
- Epstein, A. “Russko-evreiskie pechatnye SMI v Israile i prichiny ikh zakata.” [The Russian-Jewish print media in Israel and the reasons of their sundown] In *Israel: Russian roots*, 451–461. Jerusalem: Russkoe evreistvo v zarubejii Publ., 2011 (in Russian).
- Epstein, A. “Sredstva massovoy informatsii i politicheskie peremeny v Israile.” [Media and political changes in Israel] in *Blijniy Vostok I Sovremennost*, no. 12 (2001): 291–307 (in Russian).
- Epstein, A. “Gosudarstvo evreiskih diaspor: etnolingvisticheskoe mnogoobrazie israiliskih SMI.” [The State of Jewish diasporas: ethnic-linguistic special characteristics of Israeli Media] In *Diaspory*, no. 3 (2006): 222–260 (in Russian).
- Franchon, C., and C. & M. Vargaftig eds. *European Television: Immigrants and Ethnic Minorities*. London: John Libbey, 1995.
- Freidman, M., and Chernin, A. eds. *A Second Exodus. The American Movement to Free Soviet Jews*. Hanover; London: Brandeis University Press, 1999.
- Fridgout, T. “Vliyanie immigrantov iz SSSR/SNG na israiliskuju identichnost.” [Influence of immigrants from USSR/CIS on Israeli identity] In *“Russkoe” litso Izrailia: cherty sotsialnogo portreta*, 63–95. Jerusalem; Moscow: Gesharim; Mosty kultury, 2007 (in Russian).
- Gomberg, L. “Zvezda i smert ‘Bolshoy Alii’.” [The rise and the death of the Great Aliyah] *Novoe vremya*, no. 52. (1993): 29–31 (in Russian).
- “Gosudarstvo Israil. Aliyah.” [A State of Israel. Aliyah] *Jewish Web-Encyclopedia*. <http://eleven.co.il/article/11732> (in Russian).
- Gutina, N. “Israiltyane – Sdelano v SSSR.” [Israelis – Made in USSR] 22, no. 158. <http://www.sunround.com/club/158/gutina.html> (in Russian).
- Hall, S. “Culture, Community, Nation.” *Cultural Studies* 7, no. 3 (1993): 349–363.
- Hanin, Z. “Novye postsovetskie repatrianty v Israile.” [New post-Soviet repatriates in Israel] *The 9th Shtern Readings*. <http://madan.org.il/ru/news/novaya-postsovetskaya-aliya-v-izraile-prichiny-i-motivy-cennosti-i-identichnost> (in Russian).
- Janowitz, M. *The Community Press in an Urban Setting*. Chicago; IL: Chicago University Press, 1961.
- Gitelman, Z., Glants, M., and Goldman, M., eds. *Jewish Life after the USSR*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2003.
- “K vyhodu pervogo nomera jurnala ‘Vremya i My’.” [To the publication of the 1st number of “Vremya I My” journal] *Vremya i My*, no. 1 (1975): 3–4 (in Russian).
- Kenigshtein, M. “Vse možno sdelat.” [It is possible to do everything] 22, no. 153. <http://www.sunround.com/club/153/kenigshtein.html> (in Russian).
- Kostyrchenko, G. “Politika sovetского rukovodstva v oynoshenii evreiskoy emigratsii posle XX s’ezda KPSS (1956–1991).” [The politics of the Soviet powers towards Jewish emigration after the CPSU’s XX Congress, 1956–1991] In Budnickiy, O.V., and Belova, O.V., eds. *Evreiskaya emigratsia is Rossii. 1881–2005* [Jewish emigration from Russia. 1881–2005], 202–219. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008 (in Russian).

- Levin, N. *The Jews in the Soviet Union since 1917: Paradox of Survival*. Vol. 2. New York; London: New York University Press, 1988.
- Levina, A. “Ludi ostayutsia ludmi.” [People continue to be people] *Vremya i My*, no. 14 (1977): 110–125 (in Russian).
- Low, A. *Soviet Jewry and Soviet Policy*. New York: Columbia University Press, 1990.
- Markish, Sh. “To li v poddanstve, to li v grazhdansve.” [Under the authorities, or in citizenship] *Strana i Mir*, no. 7 (1984): 74–77 (in Russian).
- Milovidov, V. “‘Russkie’ v Israele.” [‘Russians’ in Israel] *Posev*, no. 1 (1973): 23–25 (in Russian).
- Morawska, E. “Intended and unintended consequences of forced migrations: a neglected aspect of East Europe’s 20th century history.” *International Migration Review*, 34 (2000): 1057–1062.
- Morozov, B. “Evreiskaya emigratsia iz SSSR kak factor mezhdunarodnyh otnosheniy.” [The Jewish emigration from the USSR as a factor of international relations] In “*Russkoe*” *litso Izrailia: cherty sotsialnogo portreta* [“Russian” face of Israel: Features of social portrait]. Jerusalem; Moscow: Gesharim Publ.; Mosty kultury Publ., 2007 (in Russian).
- Orlov, B. “Puti-dorogi rimskih pilgrimov.” [The ways of Roman pilgrims] *Vremya i My*, no. 14 (1977): 120–130 (in Russian).
- Orlov, B. “Ne te vy uchili alfavit...” [You learned incorrect alphabets...] *Vremya i My*, no. 1 (1975): 127–140 (in Russian).
- Prat, N. “Chuvstvo istorii.” [A sense of history] *Vremya i My*, no. 20 (1977): 140–150 (in Russian).
- Roi, Ya., and Beker A., eds. *Jewish Culture and Identity in the Soviet Union*. New York; London: New York University Press, 1991.
- Roi, Ya. *The Struggle for Soviet Jewish Emigration. 1948–1967*. Cambridge: Cambridge University Press 1991.
- Salitan, L.R. *Politics and Nationality in Contemporary Soviet-Jewish Emigration. 1968–1989*. London: St. Martin’s Press, 1992.
- Sanoyan, D., and Epstein, A. “Emigratsia evreev is Israilya – antiteza sionistskoy ideologii.” [Emigration of Jews from Israel as the antithesis of Zionism] *Diaspory*, no. 1 (2006): 200–223. <https://talgat-irisbaev.livejournal.com/3442.html> (in Russian).
- Schoenburg, N., and Schoenburg, C. *Lithuanian Jewish Communities*. New York; London: Garland, 1991.
- Schroeter, L. *The Last Exodus*. New York: Universe Book, 1974.
- Shindler, C. *Exit Visa. Dütente, Human Rights and the Jewish Emigration Movement in the USSR*. London: Bachman and Turner, 1978.
- Steimanis, I. *History of Latvian Jews*. New York: Columbia University Press and East European Monographs, 2002.
- Strana i Mir*, no. 11 (1984): 25–27 (in Russian).
- Toltz, M. *Postsovetskaya evreyskaya diaspora: noveyshie otsenki* [The post-Soviet Jewish diaspora: new evaluations]. <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0497/tema01.php> (in Russian).
- Tumerman, L. “Israel: Evropa ili Asia?” [Israel: Europe or Asia?] *Vremya i My*, no. 5 (1976): 108–116 (in Russian).

- Voronel, A.V. *Nulevaya summa* [Zero Sum]. Harkov: Prava lyudini Publ., 2013 (in Russian).
- Voronel, A.V. *Predislovie redaktora k elektronnoy versii journala* [Foreword of editor to the web-version of the journal]. [http: www.sunround.com/club_121/voronel.html](http://www.sunround.com/club_121/voronel.html) (in Russian).
- Voronel, A.V. “Dvesti let... .” [200 years...] 22, no. 122. [http: www.sunround.com/club_122/voronel.html](http://www.sunround.com/club_122/voronel.html) (in Russian).
- Zaslavsky, V., and Brym, R. *Soviet Jewish Emigration and Soviet Nationality Policy*. New York: The Macmillan Press, 1983.
- Zilberg, N., and Leshem, E. “The Russian-Language Press and Immigrant Community in Israel.” *Revue European des Migrations Internationales* 12, no. 3 (1996): 173–190.
- Zinin, Ju. “Russkie na Zemle obetovannoy.” [Russians in Israel] *Asia i Africa segodnya*, no. 1 (2001): 62–65 (in Russian).
- Oz, A. “Ponyatie otechestva.” [The concept of Motherland] 22, no. 22 (1978): 28–34 (in Russian).

Archive

Moscow “Memorial” Archives, f. 158. Samizdat Archives.

Submitted: 22 January 2018

For citation: Strovsky, Dmitry L., and Antoshin, Alexey V. “Soviet Aliyah as a pivotal theme of Russian-language periodicals in Israel: the case of ‘Vremya i My’ and ‘22’ journals.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 2 (2018): 320–356. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-2-320-356

Financing: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFFI) – the Department of Humanitarian and Social Sciences, project No. 17-21-07002, and the type of grant – a (m): “A Soviet person in the ambivalent reception of Hungarian and Russian humanitaristics of the 20th and 21st centuries.”